

рять им. 26. Тремя главным образом страстями бывает непрестанно одолеваема всякая разумная душа, в особенности держащая царский скипетр. Это — сластолюбие, славолюбие и сребролюбие. Порождением сластолюбия является ненасытное угождение чреву, услаждение гортани всяческой пищей и удовлетворение подчревной скотской похоти. От славолюбия происходит то, что человек ничего не хочет делать во славу Божию, но всячески старается об угождении людям, чтобы всегда получить от них славу и похвалу, и если достигнет желаемого, то ко всем кроток и добр, если же узнает, что над ним кто-нибудь смеется, он, забыв о кротости, неудержимо неистовствует и свирепее всякого зверя старается мстить тому, кто его не хвалит. От корня всякого зла, сребролюбия, порождением является ненасытное желание всячески собирать себе богатства, копить их хищением, неправдою и лихоимством и всю надежду возлагать на свои сокровища, а не на бога. Кто поправил и преодолел указанные три страсти, тот воистину присный угодник и верный поклонник всемогущей пресвятой Троицы и царь-самодержец по отношению к себе и к подвластным. А кто одержим и водим этими страстями, тот пусть услышит слова общего всех владыки: «всякъ творий грѣхъ, рабъ есть грѣху, а рабъ не пребываетъ въ дому во вѣки». И что может быть позорнее, чтобы не сказать окаяннее того, когда думающий, что он владеет городами преславными и народами бесчисленными, сам во власти бессловесных страстей и устами самого спасителя называется рабом? Пусть понимающий понимает ясно сказанное. 27. Среди многих дивных праведных дел, которыми украшается и благодаря которым всеми любима и восхваляема бывает душа благоверного царя, наиболее полезным и необходимым для власти благоверных царей считаю страннолюбие, т. е. отношение, проникнутое человеколюбием, кротостью и уважением к приезжающим иностранцам, будут ли это купцы или приглашенные: необходимо тщательно заботиться об удобном их пребывании, о том, чтобы не подвергались они обидам от местных жителей, чтобы их силой не удерживали и не возбраняли возвращаться на родину. Принимаемые таким образом, оберегаемые и снова отпускаемые к себе, они будут дружелюбно относиться к нам, станут с доброй похвалой всем рассказывать о царских добродетелях. И что может быть полезнее для власти благоверных царей? Ибо все, слыша о таком благоразумии царей, кротости и заботливости относительно иностранцев, воздадут им обильными молитвами и вознесут их хвалами, и всякий захочет прийти сюда и быть очевидцем их благости. Пусть благоверные цари доброхотно и с уважением отпускают от себя всех приходящих к ним иностранцев, если хотят